

КОРРУПЦИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

*В.А. Номоконов**

ПРЕСТУПНАЯ «ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ»

Аннотация: Российская государственная политика в сфере декриминализации общества превращается в свою противоположность. Крайне актуально эффективное противодействие коррупции.

Ключевые слова: декриминализация; криминализация; коррупция.

V.A. Nomokov

CRIMINAL «DECRIMINALIZATION»

Summary: The Russian state policy in the sphere of decriminalization of society turns into the opposite. Effective fight against corruption is extremely urgent.

Key words: decriminalization; criminalization; corruption.

1. Криминогенная политика

Сегодняшняя преступность в России — действительная и серьёзнейшая угроза национальной безопасности. Отсюда возникает важная задача декриминализации — очищения общественных отношений от давления криминала в рамках соответствующей антикриминальной политики государства. Особенно остро названная задача стоит в приграничных регионах страны, где, как давно заметили специалисты, наблюдается повышенный уровень прямой или косвенной вовлечённости населения в криминальные структуры, организованные преступные формирования. На необходимость осуществления декриминализации указывал, как известно, в своё время В.В. Путин, назначая на должность полномочного представителя Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе бывшего замминистра МВД О. Сафонова.

Министр МВД Р.Г. Нургалиев в мае

2009 года назначил генерал-майора Ф. Василькова начальником Дальневосточного главка МВД России, поставив перед ним задачу — провести декриминализацию органов МВД на востоке страны. О необходимости декриминализации Приморского края как одном из главных приоритетов в своей работе заявлял сразу после занятия должности и новый губернатор В.В. Миклушевский.

Однако проблема заключается в том, что в сфере воздействия на преступность реальной декриминализации, реальной антикриминальной политики пока нет ни на федеральном, ни на региональном уровнях. Конечно, мы видим некую политику в отношении преступности, но назвать ее антикриминальной без большой натяжки нельзя.¹ Больше того, «декриминализация» в нашей стране всё чаще, увы, сегодня на деле приводит к результатам, обратным декларируемому. Реальная практика государственного воздействия на преступность, на мой взгляд, фактически потворствует преступности, т.е. является, по существу, криминогенной. В данной статье

* **Виталий Анатольевич Номоконов** — доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Владивосток, Россия). E-mail: nomokov@rambler.ru

© В.А. Номоконов, 2012

¹ См. подробнее, напр.: *Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса. — М., 2006.

я попытаюсь показать, как отечественная политика «декриминализации» превращается в свою противоположность. Этим и объясняется столь парадоксальное название статьи.

Во-первых, государственное воздействие на преступность совершенно неадек-

ватно складывающейся криминальной ситуации. Последние пять лет всё больше возникают ножницы между ежегодным ростом заявлений и сообщений о преступлениях и постоянным снижением числа зарегистрированных преступлений. Не будем голословны.

Таблица 1. Соотношение регистрации заявлений о преступлениях и зарегистрированных преступлений.

Год	2008	2009	2010	2011
Число сообщений и заявлений (млн)	21,5	22,8	23,9	24,6
Зарегистрировано преступлений (млн)	3,21	2,995	2,628	2,405
Доля возбуждённых уголовных дел от общего числа сообщений и заявлений о преступлениях (%)	12,0	10,0	9,0	8,0

В приведённой таблице сопоставлены данные МВД РФ последних лет о числе сообщений и заявлений о преступлениях (и происшествиях) и числе зарегистрированных преступлений и, соответственно, доля возбуждённых уголовных дел от общего числа сообщений и заявлений о преступлениях. Мы видим достаточно чёткую парадоксальную картину, совмещающую ежегодный рост сообщений о преступлениях и упорное снижение правоохранительными органами числа зарегистрированных преступлений. Соответственно ежегодно снижается и доля возбуждённых уголовных дел от общего числа сообщений о преступлениях.

Во-вторых, уголовная политика, уголовное законодательство, похоже, лоббируются коррумпированными чиновниками, поскольку изменения в УК РФ в последние годы вызывают всё большее недоумение учёных и практиков. Это и произошедшая в 2003 г. отмена конфискации как меры наказания, и допустимость условного осуждения при назначении наказания в виде лишения свободы на длительные сроки (чему нет аналогов в мировой практике). Это и более поздняя отмена нижних пределов санкций во многих статьях УК и др. Это, наконец, и декриминализация товарной контрабанды в декабре 2011 г., наделение судов правом самостоятельно (нонсенс!) определять категорию преступления (ч. 6 ст. 15 УК РФ) и т.д.²

² Статья утратила силу в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г.

В-третьих, увы, мы уже можем говорить не только об известной коррупциогенности ряда норм УК, но и об их общей криминогенности. Так, петербургские криминологи (Д.А. Шестаков и др.) в последнее время не без оснований обращают внимание на возможность преступности самого уголовного закона.³

Увы, сегодня мы вынуждены говорить и о *криминальной практике* борьбы с преступностью, когда государство в лице сотрудников правоохранительных органов всё чаще втягивается в разнообразные схемы преступного поведения — рейдерские захваты, «крышевание» незаконной деятельности, фабрикация уголовных дел и т.п.

Таким образом, на повестке дня криминологии и уголовного права в России сегодня появляется и проблема неадекватной — или даже преступной — уголовной политики, политики, не соответствующей ни современным данным науки, ни объективным социальным потребностям, ни естественным ожиданиям общества, уставшего от криминального произвола. Вот уже и председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин констатирует: «С каждым днём становится всё очевиднее, что сращивание власти и криминала по модели, которую сейчас называют «кущёвской» — не уникально. То же самое (или

³ См., напр.: Шестаков Д.А. Преступный закон как парадокс криминологии закона // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 1 (20). — С. 16.

нечто сходное) происходило и в других местах — в Новосибирске, Энгельсе, Гусь-Хрустальном, Березовске и так далее». И если прецеденты этого рода начинают переходить в норму, то «очевидно, что в этом случае наше государство превратится из криминализованного в криминальное». ⁴ Здесь возникает естественный вопрос, где граница, позволяющая отличить криминализованное государство от криминального? Оставим его пока открытым.

2. Криминализация государства

Пятьдесят лет назад в США вышла книга американского криминолога Эдвина Шура «Наше преступное общество». В книге едва ли не с большевистской прямо-той разоблачались серьёзные язвы американского капиталистического общества, которые с неизбежностью вызывали высокий уровень преступности в стране. Представляется, что процессы, происходящие сегодня в России, предопределяют необходимость соответствующего достаточно критичного подхода к ним и со стороны экспертов.

Теоретиками права верно подмечена противоречивая роль государства как социального института и социальной ценности. С одной стороны, оно, борясь за общественную безопасность и правопорядок, ставит перед собой высокую нравственную цель. Но с другой стороны, эта цель достигается нередко ценой значительных этических потерь, ибо насилие, исходящее от государства, имеет своим неизбежным следствием нравственное падение и власти, и подвластных. ⁵

Н.В. Щедрин, как криминолог, совершенно обоснованно обратил внимание на опасные свойства власти, которая «мощно и в огромных масштабах может творить и множить бесчеловечные отношения». «Природа власти такова, что она в сотни, тысячи и миллионы раз умножает как достоинства, так и недостатки человека, который ею наделён. От пьяницы

мужа страдают жена и дети, а от пьющего президента — жители всей страны». ⁶

Размышляя о том, почему столь ко двору нынешней кремлёвской власти приходятся иные федеральные и региональные руководители, достаточно вроде бы скомпрометированные и прошлыми связями с криминалом и нынешними уголовными делами своих непосредственных подчинённых и близких, приходишь к печальному выводу, что это, увы, не результат отсутствия информации у руководства. Это вполне логичная кадровая политика. Остановлюсь подробнее.

Н. Злобин, известный американский специалист, полагает, что режимы делает преступными коррупция и отсутствие верховенства закона: «Власть должна быть честной всегда, в том числе, по отношению к событиям сегодняшнего дня, по отношению к своему народу сегодня, к действующему закону. И главная задача любого президента заключается в том, чтобы обеспечить честность власти, привести её полностью в соответствие с законами, добиться того, что каждый чиновник, который является представителем этой власти, был честен и законопослушен. Нечестный чиновник сразу делает в широком общественном мнении нечестным и самого президента, подрывая его легитимность или вызывая сомнения в искренности мотивации при принятии тех или иных решений и, естественно, в неспособности очистить свой аппарат от коррупционеров. Такой чиновник является прямым государственным врагом президента, наносящим огромный политический вред. Именно это происходит сегодня в России». ⁷

Билл Браудер, некогда крупнейший иностранный инвестор в России, сейчас отзывается о нашей стране как о «фактически криминальном государстве». ⁸ По его мнению, Россия вообще не является «государством» в привычном для нас смысле.

⁶ Власть и коррупция. — Владивосток, 2006. — С. 12—13.

⁷ Злобин Н. Коррупция и отсутствие верховенства закона делает режимы преступными. URL: www.livejournal.com (дата обращения: 16.11.2009).

⁸ Браудер В. Взглянем правде в лицо: Россия умирает // The Telegraph (Великобритания). — 2009. — 24 ноября.

⁴ Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета. — 2010. — 10 декабря.

⁵ См.: Жуков В.Н. Государство как ценность // Государство и право. — 2009. — № 9. — С. 20.

Государственные институты здесь захвачены лицами, преследующими исключительно личные интересы, зачастую преступниками. Право собственности здесь давно не действует, правоохранительные органы нарушают закон, невинные граждане страдают, а суды превратились в средство решения внутривластных задач.⁹

М. Делягин, один из ведущих российских экономистов, пишет: «Наше государство создавалось 20 лет назад не для общественного блага, а для личного обогащения тех, кто его создавал, а все остальные люди воспринимаются им... просто как биомасса, подлежащая переработке в личное благосостояние».¹⁰

В. Третьяков, главный редактор журнала «Политический класс», отмечает: «...Сама власть не желает ограничить свои аппетиты. То же самое относится и ко всё нарастающей, но так и не дающей зримого эффекта борьбе с коррупцией. Абсолютное большинство граждан убеждены: неэффективность эта есть просто производное от сращения власти с преступностью, причём не только экономической, но и уголовной».¹¹

Российское государство само превратилось в основной источник коррупции, утверждает ректор Уральской академии государственной службы В. Лоскутов.¹² Режим становится все более и более криминальным, считает бывший Генеральный прокурор страны Юрий Скуратов.¹³

Ю.Н. Афанасьев, А.П. Давыдов, А.А. Пелипенко высказали следующую позицию. «В постсоветское время власть, уже не стесняясь, позиционирует себя ... как корпорацию частных собственников. При непосредственном участии первых лиц государства, с опорой на властный потенциал

всех силовых структур, судебной системы и административных органов всех уровней идёт грандиозное расхищение всего национального достояния и оформление в частную собственность физических лиц земли, её недр, предприятий. Происходят раздел, передёлы, рейдерские захваты и квази-юридическое оформление фактической приватизации целых отраслей промышленности, транспортных коммуникаций и энергетических сетей. Всё перечисленное по своей социальной сущности — средневековые территориальные захваты без малейшего раздумья о дальнейшей судьбе и эффективном предназначении захваченного. А с моральных и нравственных позиций — это волчье пиршество в овчарне, торжество алчности и звериной ненасытности диких людей. По отношению же к праву власть показывает себя откровенно нелегитимной и криминальной».¹⁴

Таким образом, становится ясным, почему в подобных условиях российской действительности не уменьшается, а ширится в народе правовая нигилизм, обостряется проблема преступности. Нетрудно увидеть, что критическая ситуация с преступностью в нашей стране закономерно предопределялась чудовищными деформациями, предшествовавшими развалу СССР и особенно возникшими в постсоветский период. И эти деформации затронули не только сферу экономики, но и выразились в прямой деградации политической власти в стране: это и развал в своё время СССР как общесоюзного государства и резкое ослабление «вертикали власти» уже в России. Это и резкое усиление сепаратистских тенденций, приведших к войне на Кавказе. Это и острая конфронтация ветвей власти, завершившаяся позорным кровавым побоищем в центре Москвы в 1993 г.

Деформированность политической сферы российского государства выразилась не только в резком ослаблении государства. Основной деформацией постсоветской России стало, как видим, установление в стране криминально-олигархического режима, который утвердил

⁹ См.: Браудер В. Российские акулы пьют собственную кровь // The Financial Times (Великобритания). — 2009. — 6 июля.

¹⁰ Делягин М. Мы переживаем сейчас два разных кризиса — мировой и российский. URL: www.forum.msk.ru. (дата обращения: 01.04.2012).

¹¹ Третьяков В. Мои вопросы президенту Медведеву // Известия. — 2009. — 24 декабря.

¹² Лоскутов В. Постсоветский тоталитаризм. — Екатеринбург, 2006.

¹³ См.: Скуратов Ю. Вариант дракона. — М., 2000. — С 316.

¹⁴ Афанасьев Ю.Н. и др. Вперёд нельзя назад! // Новая газета. — 2009. — 16 октября.

ся под флагом либерализма. В результате произошло перерождение государства: реальная политическая власть в стране оказалась практически в руках небольшой, но сплочённой группы олигархов.¹⁵

В.В. Путин в своё время вынужден был признать: «Значительная часть экономики контролировалась (неясно, почему это описывается в прошедшем времени — В.Н.) олигархическими или откровенно криминальными структурами», существовала «практика принятия государственных решений под давлением сырьевых и финансовых монополий», «не только национальные интересы, но и элементарные потребности миллионов людей цинично игнорировались».¹⁶ Экономическая и социальная политика стала всё больше отвечать интересам не большинства населения страны, а прежде всего узкой прослойки богатых.

Стало быть, столь необходимая России модернизация должна произойти вначале не столько в технологической, сколько в политической и правовой сферах. Нужна реальная декриминализация.

3. Коррупционное перерождение государства

Как отмечается экспертами, за первое десятилетие XXI века коррупция в стране достигла своего исторического максимума. Ею оказалась поражённой государственная власть на всех уровнях, вплоть до самого высокого. Сегодня коррупция превратилась в главное препятствие поступательного развития страны и в одну из главных угроз национальной безопасности.

Представляется, что успехи на ниве противодействия коррупции были бы возможны, если бы такие попытки учитывали в большей мере и выводы специалистов. Так, специалисты справедливо обратили внимание на следующее: коррупция является симптомом того, что данная политическая система мало заботится об общественных интересах в целом. Поли-

тическая легитимность власти страдает, если она позволяет кому-то получать непропорционально большие прибыли за счёт других.¹⁷

Специалистами были подготовлены три основных варианта оптимизации антикоррупционной политики. Согласно первому, борьба с коррупцией в стране невозможна без возвращения конкуренции — в широком смысле этого слова — в нашу страну. Вторые говорят о том, что надо улучшить государство — нужна административная реформа. Третье направление сводится к чисто антикоррупционным мерам, преимущественно заимствованным из-за рубежа.

Перечисленные варианты, к сожалению, не учитывают главной особенности нашей доморощенной коррупции — её редкой наступательности, агрессивной активности. Российская коррупция, по утверждению Елены Панфиловой, директора российского Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл», приобрела форму *коррупционного вымогательства*. Остаётся согласиться с Панфиловой, что российская коррупция последних лет — это уже не диагноз. Это и есть система существования организма государственного управления, это и есть болезнь. А температура — это Кущёвская, Манежная площадь и т.п. Социальные явления, социальные потрясения, убийства, криминализованные формы проявления социального протеста — показатели температуры при той болезни, которая пришла на смену классической коррупции и сигнализирует: в нашем государственном организме пора что-то серьёзно менять.

В стране создана «исполнительная вертикаль» или «управляемая демократия». Это государство, при котором реальная сила — только исполнительная власть. При такой системе огромная коррупция совершенно неизбежна, потому что рыночная экономика генерирует добавочную стоимость, а бюрократия использует власть, чтобы присваивать изрядную её часть через коррупционные отношения

¹⁵ См. подробнее: Пискотин М.И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. — М., 2001; Кодин М.И. Россия в «сумерках» трансформаций». — М., 2001; Травин Д. Путинская Россия: от рассвета до отката. — СПб, 2008.

¹⁶ Путин В.В. Жить по-человечески // Российская газета. — 2008. — 9 февраля.

¹⁷ Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. — М., 1999. — С. 297.

— от постового гаишника до губернатора и федерального министра. Рыночная экономика в условиях отсутствия разделения властей, т.е. господства исполнительной власти, абсолютно неизбежно создаёт коррупцию, ибо возникает ситуация, подобная той, когда козлу поручают сторожить огород, а пчёлам — бороться с мёдом.

К сожалению, противодействие коррупции носит имитационный характер. Вот один из примеров. В мае 2011 г. в Российской академии народного хозяйства и государственной службы состоялся международный семинар. Мероприятие было посвящено современной международной законодательной и правоприменительной практике в сфере борьбы с коррупцией и отмыванием денег. В семинаре приняли участие ведущие политики и эксперты, представлявшие как Россию, так и ведущие страны мира. Доклад Т. Файерстоуна был посвящён закону США о борьбе с коррупцией во внешнеэкономической деятельности (FCPA), то есть тому, как американцы борются со взятками, которые американским компаниям приходится давать, чтобы решить свои вопросы в некоторых странах. В качестве одной из иллюстраций было приведено разбирательство с компанией «Даймлер», которая — и это доказано — платила по всему миру взятки за контракты на поставку машин. В результате в 2010 году названная компания, признав себя виновной, заплатила штраф в размере 185 миллионов долларов.

На семинаре присутствовал первый заместитель Генерального прокурора РФ Александр Буксман. Во время выступления его прямо спросили — был ли кто-то из тех, кто получал взятки от «Даймлера» в России, привлечён к ответственности? Что ответил Буксман? Уголовного дела по этому поводу так и не было возбуждено.¹⁸

4. Коррупциогенность законодательства

Но дело не ограничивается лишь коррупцией. Само законодательство в условиях тотально коррумпированного

государства неизбежно становится коррупциогенным. Возьмем, к примеру, недавние (2011 г.) изменения в УК РФ, которые ликвидировали нижние пределы санкций во многих статьях и в результате безбрежно расширили простор судейского усмотрения. Ведь всем известно, что нельзя так строить санкции, это прямо провоцирует коррупцию. Позвольте спросить: и где же была антикоррупционная экспертиза, которой подвергается сейчас всё и вся?

5 мая 2011 года в УК РФ были внесены очередные серьёзные изменения, связанные с борьбой с коррупцией. В статью 46 УК, предусматривающую штраф, внесено следующее существенное дополнение. Штраф, исчисляемый исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа или взятки, устанавливается в размере до стократной суммы коммерческого подкупа или взятки, но не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей и более пятисот миллионов рублей.

Данное изменение можно трактовать двояко. С одной стороны, введение т.н. кратных штрафов за коррупционные преступления следует приветствовать. С другой стороны, вызывает недоумение ограничение верхнего предельного размера штрафа. В условиях, когда аппетиты коррупционеров изо дня в день растут, установление какого бы то ни было «потолка» вряд ли целесообразно.

В статьях 290-291 УК расширен круг субъектов взяточничества за счёт иностранных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций. Это давно ожидалось и не вызывает вопросов. Введены дифференцированные размеры штрафов, кратные размерам взяток и коммерческого подкупа. Обращает на себя внимание, что штрафы, как правило, применяются в виде альтернативы другим видам наказания (богатый может попросту откупиться) либо присоединяются как дополнительные к основному виду наказания, но уже в уменьшенном размере.

Ещё более существенна следующая новелла — введение института посредничества во взяточничестве (ст. 291-1 УК). Под посредничеством во взяточничестве понимается непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взятко-

¹⁸ См.: *Энгелсон Д.* Коррупция и десоверенизация России // *Русский Журнал.* — 2011. — 1 июня.

получателя либо иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере.

Я не вижу особой необходимости в таком новшестве, т.к. посредничество во взяточничестве вполне, на мой взгляд, укладывается в классические рамки соучастия в преступлении. Но тут появилась ещё одна новелла. Часть 5 ст. 291-1 УК предусматривает новую фигуру соучастника — т.н. «обещателя»: в этой части произошла криминализация самих по себе «обещания или предложения посредничества во взяточничестве». Примечательно, что по нашему законодательству обещание или предложение взятки, как и вымогательство её сами по себе не преступны, а являются лишь подготовительными действиями. С точки зрения реализации положений Конвенции ООН против коррупции 2003 г. было бы правильнее криминализировать не только обещание в посредничестве, но и предложения и требования взятки основных субъектов коррупционной сделки, чего пока не сделано.

Перекосы уголовной политики — и не только уголовной — объяснимы. А.И. Долгова отмечает, что в постсоветской России был сформирован сплочённый отряд криминальных менеджеров, которые оказались настолько привержены правовому нигилизму, что закон рассматривают в качестве средства достижения своих целей, противоречащих интересам национальной безопасности.¹⁹

Таким образом, источники коррупции находятся в нашей стране гораздо глубже, чем принято считать и едва ли не главный среди них — в сложившейся политической системе. Последняя (система) остро нуждается в модернизации путём ухода от авторитаризма, обеспечения прозрачности работы государственного механизма, демократизации на основе разделения властей, формирования в политической сфере конкурентной среды и реального

гражданского общества, утверждения принципа социальной справедливости. Только преодолев деформации, криминальное перерождение самого государства, можно рассчитывать на реальные успехи в борьбе с коррупцией.

5. Коррупциогенная политика («командное право»)

Не секрет, что сегодняшняя основная «болячка» наших правоохранительных органов (помимо коррумпированности) — это так называемое «командное право». Закон нередко исполняется не сам по себе, не как данность, а лишь по особому указанию, причём, в среде исполнителей «от мала до велика» сильно чинопочитание. Если правоохранителям дали команду свыше поступить незаконно, то можно предположить, что чаще всего они так и поступят.

За примерами далеко ходить не надо. Всем помнятся признания бывшего Генерального прокурора Казанника о давлении на него членов «семьи», лоббирующих нужные незаконные решения. На Дальнем Востоке в числе недавних — уголовное дело генерала Бахшецяна, бывшего начальника Дальневосточного таможенного управления (ДВТУ). Если бы у нас господствовала диктатура закона, то и дело, скорее всего, не возникло бы. Насколько я знаком с материалами этого дела и насколько можно судить по связанным с этим делом событиям и комментариям, оно носит признаки заказного характера. Суд исключил из обвинения почти всё, что вменялось следствием, а вменялось много чего, включая контрабанду, осталось лишь пресловутое превышение власти. Вместе с тем, версия Бахшецяна, озвученная им в своё оправдание, судом не была опровергнута. Более того, в суд было направлено громкое контрабандное дело, связанное с китайским ширпотребом, которое напрямую связано и с «делом Бахшецяна». Именно лица, разыскиваемые по расследуемому делу (а также стоящие негласно за ним), инициировали дело против генерала. Но, тем не менее, был вынесен и вступил в законную силу суровый приговор, связанный с реальным лишением свободы. Трудно исключить, что дело Бахшецяна — заказное,

¹⁹ Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. — М., 2011. — С. 87.

и скорее всего, не обошлось без прямых команд из Москвы.

Так, О. Елисеев, бывший начальник аналитического отдела Службы собственной безопасности ДВТУ, сообщает, что его попытки довести до компетентных органов и руководства страны информацию о фактическом состоянии таможенного дела и известных ему обстоятельствах, связанных с фабрикацией уголовного дела в отношении Э. Бахшецяна, не принесли положительного результата. В течение трёх лет ему не удалось получить внятного ответа ни на одно из его обращений.²⁰

Увы, командное право всё больше вытесняет у нас право писаное, вертикаль власти оказывается сильнее «диктатуры закона». И, как результат, сегодня мы видим явно обозначившуюся тенденцию перехода от вчерашних заказных убийств к сегодняшним заказным уголовным делам.

Возможен и противоположный вариант: увод от ответственности лиц из категории «неприкасаемых». У нас в Приморье, как известно, весной 2008 года прошли обыски у губернатора. Однако вскоре в материалах одного интересного, ещё не законченного уголовного дела вдруг появилось «неустановленное следствием лицо», которое, однако, на с. 35 одного из процессуальных документов вдруг нечаянно обрело Ф.И.О. Оказалось, что оно всё-таки было установлено, а потом задним числом, вероятно, по команде руководства, перешло в разряд «неустановленных». В 2011 г. это «неустановленное лицо» было оставлено в должности губернатора Приморья на третий срок и лишь в конце февраля 2012 г., наконец, освобождено от должности.

Ещё один пример, который обозначает опасную тенденцию: арест во Владивостоке летом 2009 года начальника Центра государственной защиты УВД Приморского края, полковника Александра Астафьева. Обращает на себя внимание поразительное сходство этого дела с делом Бахшецяна. И здесь, похоже, лица, вовлечённые в преступную деятельность и

имеющие коррупционные связи в верхах, диктуют правоохранительным органам правила игры.

Фабула дела проста: за получение трёх кондиционеров и компьютера от спонсоров, которые были оформлены надлежащим образом и приняты на баланс УВД края, полковника арестовали и обвинили в мошенничестве (!). Даже слабому студенту юрфака было видно, что никакого мошенничества здесь не было. Однако за простой фабулой дела скрылась сложная многоходовая комбинация, цель которой — любыми путями упрятать подальше и обязательно наказать опасного противника.

Иначе как объяснить появление в этом деле некоего С., находившегося по документам в международном розыске за совершение тяжкого преступления и преспокойно приезжающего из США для дачи показаний по искусственно реанимированному старому делу многолетней давности, связанному с непокорным полковником? Как объяснить странную завесу секретности вокруг этого дела, попытки припугнуть журналистов за разглашение «тайны следствия»? Сам Астафьев в своих обращениях на имя министра внутренних дел и даже Президента РФ обоснованно связывал происходящее с ним с компрометирующими материалами, которые он получил и направил незадолго до своего ареста своему руководству.

Фигуранты, обозначенные в этих материалах, мгновенно активизировались и перешли в контратаку. Контратака оказалась эффективней нашей прокуратуры и суда: невиновному человеку неоднократно продляли сроки следствия по делу, не стоящему и выеденного яйца. Многочисленные жалобы и обращения, в том числе СМИ, по существу, были проигнорированы.

Как выяснилось впоследствии, частично разгадка таилась в том, что служебный рапорт был направлен коррумпированному руководству, которое как раз и крышевало преступников. О начальнике главка МВД по Дальневосточному федеральному округу генерале Василькове писали даже в центральной печати.²¹

²⁰ См.: Елисеев О.Н. Верните графу «против всех» // Арсеньевские вести (Владивосток). — 2010. — 27 января.

²¹ См. подробнее: Резник Б. Победа мышки над кошкой // Новая газета. — 2010. — 8 декабря.

19 марта 2010 г. был вынесен приговор. А. Астафьев обвинялся в совершении сразу двух преступлений — злоупотреблении должностными полномочиями (ч. 1 ст. 285 УК РФ) и превышении власти при отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 286 УК РФ). Суд согласился с государственным обвинением и назначил наказание в виде 4 лет лишения свободы, причем, не условного, как это бывает в подавляющем большинстве подобных случаев, а вполне реального. Вероятно, было принято во внимание не только требование прокурора, но и то, что подсудимый и так уже отсидел в СИЗО с середины июня 2009 года и должен вроде привыкнуть к жизни в неволе, тем более, что от родного государства квартиры не имел.

Об этом деле не стали особо распространяться наши правоохранители, хотя куда надо, вероятно, отрапортовали о «справедливом возмездии» в отношении очередного «оборотня в погонах». Да и ход следствия был прикрыт от глаз общественности «следственной тайной».

Повторюсь: я вижу в этом деле очевидную связь с делом генерала Бахшецяна, хотя вряд ли корректно было бы напрямую проводить какие-либо аналогии по совершенно вроде бы разным делам. Но здесь много общего и главным является просто вопиющее несоответствие между безупречным личным нравственным и профессиональным обликом и серьёзными преступлениями, которые им вменены.

Вообще, в политике борьбы с преступностью обнаруживается опаснейшая тенденция все большего игнорирования личности, её социальных и правовых заслуг или, наоборот, степени общественной опасности при решении многих вопросов. Увы, множатся случаи, когда лидеры ОПГ и «авторитетные» бизнесмены отделяются условными сроками или даже оправданиями за тяжкие преступления, а заслуженные приличные люди, обвинённые в «странных преступлениях», отправляются за решётку.

Вторым общим моментом является явная несоразмерность между степенью «общественной опасности» подсудимых и суровыми приговорами, больше похожими на расправу.

Третьим, и может быть, ключевым, моментом является инициирование названных уголовных дел сотрудниками ФСБ. Возможно, именно здесь и была зарыта собака: тень могущественной структуры сильно влияла на принятие многих процессуальных и особенно непроцессуальных решений. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на местную газету «Народное Вече»,²² где, несмотря на всю завесу секретности, история с ходом уголовного дела в отношении Астафьева освещалась наиболее подробно. Так, газета утверждала, что полковник Астафьев был взят под стражу по «доносу» подполковника ФСБ А. Златкина в угоду своему родственнику, подполковнику милиции А. Васильченко (замешанному, по утверждению газеты, во многих рейдерских скандалах).

Приговор в отношении Александра Астафьева, по-моему, это не справедливое возмездие, а ещё одна расправа, совершённая от имени и под прикрытием государства, над невиновным. А сколько таких приговоров всего?

Почему в России повсеместно возможны подобные факты? Почему в каждом регионе несложно отыскать примеры, когда явно криминальные события списываются на мелочь, не заслуживающую внимания: угрозы (порой со стрельбой или подкладыванием взрывчатки) — на банальное «хулиганство»; смерти граждан — на «суицид» или несчастные случаи, а безвестные пропажи — на попытки скрыться непонятно от кого или чего. При этом в каждом регионе столь же легко находят примеры судебных вердиктов, «притянутых за уши» совершенно откровенно, на фальсификации материалов дел, улик, показаний одних свидетелей при игнорировании показаний других и так далее?

Ответ видится простым: это спайка сотрудников силовых ведомств с бандами времён «лихих девяностых», причём данная спайка образовывалась просто среди «своих» — учились парни в школе, вместе посещали спортивную секцию, например, а потом один пошёл в банду, а другой — на юрфак и в милицию или прокуратуру. Но

²² Соловьевко М. Коррупция расчленил Россию // Народное Вече. — 2009. — 2 июля.

«своих» в России издавна принято поддерживать! И тогда «своими в доску» становятся офицеры-силовики и коммерсанты «бандитского» происхождения. А когда последние проходят во власть, становясь депутатами-чиновниками, то уже не друзья-силовики их поддерживают, а наоборот: офицер милиции (прокурор, судья) становится «человеком мэра», несмотря на то, что этот мэр, к примеру, экс-лидер ОПГ, ранее судимый...²³

6. Что делать?

Государственная политика в области борьбы с преступностью и коррупцией должна быть существенно скорректирована. Но это изменение предполагает не менее существенное изменение в целом социальной, экономической и правовой политики. Государство должно, наконец, повернуться лицом к людям, большинству населения, а не продолжать обслуживать корпоративные интересы узкого слоя избранных. К сожалению, сегодня криминологи говорят о социально-классовом антагонизме, возникшем внутри российского общества. И никто не знает (или не предлагает), как его преодолеть.

Декриминализация общественных отношений предполагает, помимо соответствующей активизации правоохранительной деятельности, такое фундаментальное решение острых социальных, экономических и идеологических проблем, чтобы у криминологов не было оснований именовать реальную действительность «нашим преступным обществом» или относить современность к «времени триумфа преступной среды».²⁴

Не вызывает сомнения, что решение проблемы декриминализации общественных отношений должно лежать в русле реального воздействия прежде всего на причины преступности. Последние представляют собой довольно сложный мно-

гослойный причинный комплекс, включающий в себя наиболее острые и глубокие деформации в политической, экономической, социальной и духовной сферах общества. Эти деформации тем или иным образом уродуют общество, государство, отдельных людей. В результате «скособоченные» общественные отношения непосредственно провоцируют противоправное поведение.

Поэтому нынешние попытки радикализировать борьбу с преступностью, декриминализовать общество не должны ограничиваться законодательной и правоприменительной деятельностью. Это — общегосударственная задача, имеющая системное решение в русле социального оздоровления и гармонизации общественных отношений.

Причинный комплекс преступности в современной России — это совокупность деформаций, выступающих как своего рода «королевство кривых зеркал». Вместо социальной сплочённости и солидарности российское общество обнаруживает — об этом убедительно пишет А.И. Долгова — серьёзный раскол на «легальное» и альтернативное «теневое» общество.²⁵ Ущербность социума проявляется в реальном наличии внутри него теневой власти, теневого «права», теневой экономики, теневых социальных сил и теневой идеологии. В этой связи задача декриминализации общества и эффективной борьбы с преступностью может быть решена только системно и совместно всеми здоровыми силами общества на основе обеспечения высокого уровня и качества жизни населения, устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития, гармонизации общественных отношений и социальной консолидации. Не последней в этом ряду стоит и задача формирования и реализации адекватной правовой политики.

²³ См. также: В Приморском крае продолжают «всплывать» факты, подтверждающие тезис о связи криминала с властью. URL: <http://www.vestiregion.ru> (дата обращения: 01.04.2012).

²⁴ А.И. Долгова в одной из работ отмечает, что переживаемые нами годы в России и во всём мире стали «временем триумфа преступной среды». См.: Долгова А.И. Преступность, её организованность и криминальное общество. — М., 2003. — С. 3.

²⁵ Там же. — С. 3.